

ГАЛИНА ОДИНЦОВА

18+

ФОТОГРАФИЯ ИЗ
ПРОШЛОГО

ХРОНИКА СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Галина Одинцова

**Фотография из прошлого.
Хроника семейных отношений**

«Автор»

2021

Одинцова Г.

Фотография из прошлого. Хроника семейных отношений /
Г. Одинцова — «Автор», 2021

Роман создан на основе реальных событий. Главная героиня даже не могла себе представить, что скрывали от неё всю жизнь близкие люди. Какая страшная правда начнёт открываться, стоит только случайно обнаружить старое фото у чужих людей. И поездка из Москвы в Благовещенск, откуда она уехала почти полвека назад, станет началом расследования преступления, совершённого близкими людьми. Роман "Фотография из прошлого. Хроника семейных отношений" построен на реальных событиях, происходивших во времена Советского Союза. Они тесно связаны с событиями в наши дни. Предательство близких, гибель друзей, отчаяние, потеря веры в людей и нежелание жить. Всё это придётся вынести героине романа Полине, сильной женщине, пронёсшей свою любовь через все невзгоды и потери. Фотография из прошлого, случайно найденная у чужих людей, заставила круто изменить и переоценить всю жизнь. Остросюжетная, семейная история о любви.

© Одинцова Г., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Одинцова

Фотография из прошлого.

Хроника семейных отношений

Приходит время, когда, вольно или невольно, мы оглядываемся назад. Туда, где прошли наше детство, юность, где расцвела первая любовь. И происходит переоценка ценностей. То, что казалось непоколебимо святым и настоящим, вдруг начинает поворачиваться совсем другой стороной. Из ниоткуда проявляются детали, которые внезапно заставляют нас задуматься: а всё ли было так непорочно гладко и безмятежно? Потянешь за ниточку – и клубок, туго смотанный из, казалось бы, не связанных друг с другом фактов, начинает разматываться с такой скоростью, что не успеваешь удивляться – и задаёшь один вопрос: за что же были посланы судьбой все эти наказания?

Глава 1

Сентябрь 2019 года, Москва

Рано утром позвонили в дверь. Полина Егоровна не удивилась: часто кто-то забежал то за солью, то ещё о чём-то попросить, поэтому поспешила открыть незванным гостям. На пороге стояла соседка с третьего этажа. Она была взволнована, глаза, полные слёз, смотрели с мольбой.

– Что случилось, Настенька?

– Папа заболел. Позвонил, попросил приехать. А мне сына не с кем оставить. Посидите с Димкой? Вы же знаете, он мальчик спокойный, покладистый. Пока ещё спит...

– Конечно, конечно! Сейчас поднимусь, девонька. Иди, собирайся.

Через несколько минут Полина Егоровна тихо вошла в квартиру. Настя уже была готова уйти. Она наспех показала соседке, чем кормить малыша, где лежат игрушки, книги. Та кивала, убеждая Настю, что всё будет хорошо.

– Настенька, я педагог! Я больше тридцати лет работала с детьми! Не волнуйся, спокойно поезжай к отцу, помоги ему. А мы уж тут сделаем всё как надо. И покушаем, и погуляем!

Настя вернулась после обеда. Она была обеспокоена здоровьем отца – ему требовалась ежедневная помощь, пока не поправится, – и уговорила Полину Егоровну присмотреть эти дни за мальчиком. Ребёнок был долгожданным и поздним, часто болел, поэтому в садик его не водили, оберегали, лелеяли. Полина Егоровна понимала, что это значит – поздний ребёнок. У неё дочь тоже родилась поздно, когда ей самой уже было за тридцать.

Пенсионерка даже обрадовалась, что у неё появилась приятная работа. Она с удовольствием нянчилась с Димкой, гуляла с ним, читала книги, укладывала спать. Димка был замечательным парнем! Быстро привык к Полине Егоровне, с удовольствием оставался с ней, любил слушать сказки, заниматься математикой.

Незаметной чередой летели дни. Полина Егоровна так привязалась к малышу, что уже с грустью думала о том дне, когда не нужно будет сюда приходить.

Однажды Димка открыл шкаф и достал зелёный бархатный альбом с серебристой металлической вставкой на обложке. Бархат в некоторых местах залоснился, потёрся от времени. Когда-то такие альбомы с фотографиями были почти в каждом доме. Полина Егоровна помнит свой красный альбом, где хранились её школьные фотографии, но они исчезли вместе с альбомом ещё в прошлом веке.

Альбом был тяжёлый, и Полина Егоровна поспешила на помощь малышу. Димка уселся на диван и начал перебирать фотографии, показывая их по одной своей няне.

– Тётя... дядя... – комментировал он. Полина Егоровна цокала языком, поддакивая малышу: какие все красивые, хорошие! – и кивала, не особенно вглядываясь в лица на фотографиях.

Наступало время обеда, и Полина Егоровна пошла в кухню, чтобы разогреть для ребёнка еду.

– Димка, ты пока смотри фотокарточки, а я супчик разогрею. Будем кушать?

– Да-а-а! Хочу кушать! Хочу кушать...

Полина Егоровна обняла мальчика, крепко прижала к себе, поцеловала в обе щёчки и понеслась на кухню. Вернувшись, забрала у Димки тяжёлый альбом, подняла с пола упавшие фотографии. И вдруг, бросив взгляд на одну из них, застыла на месте, не веря своим глазам.

«Не может быть!.. Откуда здесь этот снимок?..»

Глава 2

Сентябрь 2019 года, Москва

Сентябрь заканчивался, а осень всё не наступала. Как будто загуляла где-то и забыла о своих обязанностях: поливать мир дождями, подгонять дерзкими ветрами, срывающими листья с деревьев, пугать спешащих по делам людей утренними заморозками. Осенние дни шли размеренно, спокойно. Солнечные лучи пронизывали ещё густые кроны деревьев, радуя своим теплом и лаской город. Радуя и старушек на скамейке у подъезда. Этих болтушек и старушками-то разве назовёшь? Легки на подъём, остры на язык, знают все новости и бурно дискутируют на злободневные темы. А что им ещё делать? Дамочки они одинокие, безмужние, свободные. Их дети давно живут отдельно, родителей своих посещают кого чаще, кого реже, а кого и никогда...

Полина Егоровна всего год, как переехала в этот дом, но уже успела стать полноправным членом «приподъездной» компании.

Дочь с зятем, как только мама вышла на пенсию, разменяли её трёхкомнатную квартиру. Матери выделили однокомнатную в Подмоскowie – и себе нашли неплохую «двушку». Удачно всё получилось. Квартирка Полине Егоровне понравилась – окна во двор, всё на виду, этаж самый подходящий – второй. Ремонт сделали замечательный. Вот так и стала Полина Егоровна жить сама по себе, без детей. И без работы, которую она, учитель математики с тридцатилетним стажем, очень любила. Но проблемы с сердцем не давали работать полноценно – так, как она привыкла, отдавая всю себя своему делу. Учительский труд не из лёгких, общение с детьми требует постоянного напряжения, а современные дети такие, что не всегда хватает терпения и нервов. Вот и решили на семейном совете дочь с зятем и внук дать маме отдых. Не только от школы, но и от неугомонной семьи.

– Mamочка, хватит, хватит уже работать, тебе пятьдесят пять, пора отдохнуть! Папа был бы рад, что мы думаем не о себе, а о тебе. Соглашайся, мама!

– Бабуля, соглашайся! – вторил родителям пятилетний внук. – Отдохнёшь без шума и нашего гвалта! А мы будем в гости к тебе ездить!

– Гвалта!.. Ах, ты мой умничек! Как же я без вас буду? Я ж с ума сойду без этой суеты!

В общем, поддалась Полина Егоровна уговорам. Действительно, сколько можно жить для других? Пора подумать и о себе!

Первое время она скучала. Ездилa в школу, помогала молодым коллегам, ученикам, которым требовалась помощь. Но после очередного приступа гипертонии стала более бережно относиться к себе. Со временем, оценив прелесть одиночества и покоя, успокоилась. Да и соседки-активистки не дали скучать, тут же приобщили к своей деятельности. Соседки недалеко ушли по возрасту от Полины Егоровны, были полны сил, но по разным причинам всем им пришлось оставить основную работу и засесть дома. Однако от безделья никто из них не страдал. Они строго следили за порядком в подъезде и во дворе и присматривали за ребятишками, пока молодые мамы хлопотали по хозяйству.

Полина Егоровна была всегда – если не считать общения на работе – довольно замкнутой, никогда не водила дружбы с соседями, хотя и не обостряла ни с кем отношений, была со всеми сдержанно приветливой. Подруг не имела. Их надо заводить в детстве, в студенчестве. А у Полины Егоровны такого не было, чтобы с кем-то крепко дружить всю жизнь. Не судьба, видно. Члены её семьи также старались не приглашать никого в гости: «здрасьте— до свидания» — и весь разговор.

А тут, по новому месту жительства, дело пошло иначе. Через полгода Полина Егоровна знала всё и обо всех. С ней произошла неожиданная метаморфоза: из малообщительной, избежавшей соседских контактов женщины она превратилась в настоящую дворовую активистку!

Дети, узнав, что мама «под присмотром и не скучает», порадовались за неё и зажили своей самостоятельной жизнью. А у Полины Егоровны жизнь потекла спокойно и размеренно: походы в кино, в бассейн, на танцы для пожилых людей, сидение по вечерам с соседками на лавочке у подъезда. Они не были теми старухами, которые пронзительным взглядом провожают жителей своего дома к подъезду или из него. К ним охотно присаживалась молодёжь, чтобы отдохнуть после работы. Часто соседки вели долгие беседы на самые разные темы, неизменно впадая в ностальгию по юным своим годам. Вот только Полина Егоровна никогда никому не рассказывала о своей юности – да и вообще о своей жизни. Цепь несчастливых событий и горьких утрат, протянувшаяся через все годы, опутала её с ног до головы, не давая дышать полной грудью. И она так и жила с болью в своей душе.

Глава 3

1970-е годы, Благовещенск

А юность Полины прошла в дальневосточном Благовещенске, в небольшом областном городе, который раскинулся у слияния двух рек – Зеи и Амура. А там, на другом берегу Амура – уже Китай.

Благовещенск – единственный областной центр России, находящийся на государственной границе. Он был в семидесятые годы закрытым: сюда был запрещён въезд иностранцам, людям с судимостью, а жители других населённых пунктов могли приехать в гости только по приглашению. И по набережной Амура тоже ходили патрули – пограничники с автоматами и собакой. После восьми часов вечера к реке уже нельзя было спускаться. Был запрет на фотографирование противоположного берега. Жители делали, конечно, фотографии китайского берега, но так, чтобы это было незаметно! Иначе пограничники забирали плёнку и засвечивали её.

Как-то Полина с родителями возвращалась на поезде из Белогорска, небольшого городка, где жила сестра мамы, и была свидетелем того, как пограничники выводили компанию мужчин, не имеющих прописки в областном центре. На станции те пытались разбежаться в разные стороны. Но пассажиры тут же включились в погоню за нарушителями. И отец Поли тоже участвовал в задержании мужчин. Поля гордилась отцом: он в её глазах был смелым защитником Родины. Настоящим офицером Советской Армии!

Город со всех, даже с воздуха, сторон был под охраной пограничников. Купить билет на самолёт в Благовещенск из другого города было невозможно, если нет вызова или телеграммы.

Полин отец, когда решено было вызвать его мать в Благовещенск, обращался в горисполком за разрешением. В нём указывалась цель приезда гостя, а у приглашающего обязательно должна быть прописка в Благовещенске. Не требовалось пропуска лишь местным жителям.

Полина Егоровна помнит, как молилась, ночами не спала, чтобы разрешение на приезд бабушки не дали. Но, увы... Всё вышло против воли девочки. Именно этот факт сыграл большую роль в её судьбе! Именно с этого момента начались все проблемы и несчастья школьницы. Но это всё ещё впереди! Когда именно, в связи с чем закрыли город – официальных документов в открытом доступе нет. Говорят, что город приобрёл особый статус в конце пятидесятых годов прошлого века.

Хотя, если честно, ничего интересного на китайском берегу не просматривалось. Захудалый Хэйхэ только назывался городом, а на деле был жалкой деревушкой. Там среди деревянных лачуг и нескольких двухэтажных домишек торчали кое-где высокие кирпичные трубы каких-то котельных. При взгляде на нищету соседей невольно ощущалась гордость за свою страну.

В стране была, как тогда говорилось с высоких трибун, эпоха развитого социализма. Потом это время назовут эпохой застоя. И нынешняя ностальгия по Советскому Союзу имеет в виду именно тот образ жизни, который вели практически все граждане страны в те годы. Считается, что в Советском Союзе не было бедных и богатых. Так это или нет, но нынешней быющей в глаза пропасти между богатыми и бедными не было. Главное же – то чувство защищённости и справедливости, которое витало в обществе, состоявшем в основном из людей со скромным достатком, с примерно одинаковой зарплатой, с общими для всех праздниками. Можно было, обратившись в райком или обком партии, найти управу на зарвавшегося началь-

ника. Можно было пожаловаться в милицию на соседа за дебош, за поздний шум – и милиция придёт, уgomонит скандалиста, отвезёт в милицию или в вытрезвитель.

Люди ходили на демонстрации, на партсобрания, студенты и школьники посещали комсомольские собрания, пионерские сборы. И всё было под строгим контролем, всё на виду. Никаких сбоев, никакого нарушения общественного порядка и морального отклонения от норм поведения. Нарушителей клеймили, разбирали на собраниях в рабочих коллективах. Трудовые коллективы принимали социалистические обязательства и стремились их выполнить. Не выполнивших наказывали не только выговорами, но и рублём: лишали прогрессивок и премий. Вот так-то!

В целом – народ не роптал, жили себе – поживали, добра наживали. По знакомству достать можно было всё: от колбасы копчёной до «Жигулей» последней марки. И доставали. Ты мне – я тебе. Записывались в очередь на ковры, мебельные стенки, на холодильники и телевизоры, на мотоциклы и машины. И терпеливо ждали своей очереди годами! Каждая покупка приносила в дом радость! Выстаивали длинные очереди за хрустальными рюмками и вазами. Прятали эту красоту в мебельные стенки, любовались этой красотой, изредка протирая с неё пыль. Не дай Бог разбить такую ценность!

На выборы ходили все. Голосовали одинаково. Полина, получив паспорт в 16 лет, на свои первые выборы побежала в шесть часов утра! Хотелось быть первой. Всю ночь не спала, переживала: такая ответственность – участвовать в выборах! Так и получилось: прибежав раньше всех, она стояла под дверью избирательного участка минут пятнадцать, но зашла первой, подала свой паспорт и гордо опустила бюллетень в ящик.

За ней потянулись люди, открылся буфет с разными деликатесами, образовалась очередь, запахло праздником. А если конкретно – бутербродами с икрой, копчёной колбасой, рыбой и загремела музыка. Праздник! Какой же замечательный был праздник – День выборов. Танцы, народные гуляния допоздна. На улицах прогуливается народный патруль, состоящий из переводчиков производства, комсомольских дружин, и никакого хулиганства и пьянства!

Работали все. А если кто-то отлынивал от работы на производстве, считали его тунеядцем. Тунеядцами считали совершеннолетних трудоспособных людей, которые уклонялись от общественно-полезного труда и жили на нетрудовые доходы. Тунеядцы вели праздную жизнь, но недолго. Их перевоспитывали, осуждали, стыдили всем обществом. Выселяли из городов в деревни, где перевоспитывали этих кадров трудом в поле, на фермах.

Поля помнит лето, когда они проводили отпуск в далёкой амурской деревне у родителей мамы. Ей было лет десять – одиннадцать. Мама не любила ездить на свою малую родину. Но отец настоял: уж очень ему хотелось провести лето вдали от суеты и проблем. Ему нравилось у родителей жены, там его любили, уважали, старались угодить. Тёща каждый день готовила зятю то супчик из молодого петушка, то уточку запекала в русской печи, то «яишенку» жарила на сале из свежих яиц, принесённых в переднике из курятника. Каждое утро подавала Егору литровую банку парного молока и любовалась, как любимый зятьёк её опустошает, затем, аппетитно крикнув, утирает ладонью довольное лицо, крепко обнимает «золотую тещеньку» и громко чмокает в румяную от смущения щеку. Тесть едко усмехается в густые рыжие от табака усы, не любит он «энтих фамильярностей». Да и не нравится ему, что «городской» обнимает его «жёнку», хотя и зятем зовётся. Мало ли что! Бабка его в самом соку – ядрёная, крепкая.

Однажды в амурскую глухую деревеньку прислали тунеядцев из Москвы. Это была сенсация: столичные гости понаехали. Люди как люди, но уж очень отличаются от них, деревенских. И поведением, и говором, и отношением к сельчанам. Уж слишком обходительные они, да вежливые. Деревенские таких не любят, не доверяют им. Тут же повесили амбарные замки на двери, пряча единственный ключ в щёлочку над дверным косяком. Правда, через неделю – другую отказались от этой затеи. Поняв, что никто на их добро не посягает. Да и сдружились

многие с «энтими москалями». Помогали кто картохой, кто молочком, да салыцем прошлогодним делились охотно. Тунеядцы – на то они и тунеядцы, чтобы на работу не ходить. Но председатель был человеком жёстким, прошёл войну и не терпел бездельников. Так что работали все. Поля помнит, как брат мамы Володя привёл домой Машу, прибывшую для отбывания срока исправления, из Москвы. Вся семья замерла от неожиданности и изумления:

– Ба-а-а, – воскликнула бабушка, с размаха шлёпнув ладошками по своим щекам, – Вовка танеядку привёл! Совсем с ума свихнулся парень. Была б девка, а то женщина пропитая, видно же сразу, что прошла и Крым, и рым... Ох, Вовка, Вовка! Против матери пошёл! Где ж это видано, люди!

Но парень нисколько не смутился. Светился весь от счастья и удовольствия. На слова матери никакого внимания не обратил, наоборот, подтолкнул в спину избранницу, чтобы у порога не тормозила. А избранница зарумянилась, опустив низко голову, словно девушка неопытная.

– Родня, примите у хату! Жена. Прошу любить и жаловать! – невозмутимо продолжил новоиспечённый муж и усадил даму за стол.

Тунеядцы, отбыв нужный срок, уехали домой, в Москву. А Маша осталась. Об этом маме в письме сообщала бабушка, сетуя на сына: «Своих девок ему мало, танеядку московскую завёл насовсем. А от неё ни толку, ни детей! Куда ей! Старшее Вовки на двадцать годков почти! В матеря годится! Только што работающая. Укалывает как вол. Ничего не чурается баба...»

Больше в деревню Полина семья не ездила, и дальнейшая судьба родственников матери её не касалась. Да и мама никогда о них не вспоминала. Как будто и не было у неё ни родителей, ни братьев, ни сестёр.

Семья Поли и переехала к новому месту службы майора Егора Степановича Перова. Девушка полюбила этот небольшой тихий городок – зелёный, с прямыми улицами, с добротными деревянными домами, построенными ещё до революции. И с новостройками, которые радовали горожан, – потому что эти силикатные и крупнопанельные пяти- и девятиэтажки казались стильными и современными.

Советский Благовещенск был студенческим городом! Молодёжным! Институты, техникумы, профессиональные училища, фабрики, заводы... Жизнь кипела! В городе было безопасно, свободно можно было гулять и вечерами, и по ночам не страшно было возвращаться со службы.

Отец Поли гордился, что попал служить именно в Благовещенск. Город – рай. Снабжение, коэффициент к зарплате, льготы, безопасность. Если что-то и случалось, тут же милиция находила нарушителей и наказывала их. Обеспечение товарами народного потребления города Благовещенска было особенным! В те годы в город не испытывал острого недостатка в продуктах, как в стране, где уже начинался острый дефицит продуктов и промышленных товаров.

Горожане ещё отличались и тем, что одевались, практически, одинаково. Это зависело от поставок одежды в промышленные магазины. Если платье из кримплена, то у всех платье из кримплена. Если обувь из Югославии, то полгорода носит одинаковую обувь югославских фабрик. И так во всём. Моду делали местные красавицы. Она очень отличалась от моды в других российских городах. Здесь всё было иначе!

Но Поля отличалась от всех. Она, как и многие дети офицеров Советской Армии, имела возможность носить одежду, отличную от городских модниц. Так как ассортимент товара в магазинах в воинских частях отличался от ассортимента товара в гражданских магазинах. Но Поля не считала себя модницей. Её не интересовали наряды. Она была занята учёбой, общественной работой, она была идейной, она всегда была во главе класса.

Однажды девочка шла из школы по улице Ленина в хорошем настроении, из репродуктора неслась песня «Королева красоты» в исполнении Муслима Магомаева. Полине казалось,

что вместе с ней эту песню слушает весь мир! И она самая счастливая, что живёт в такой замечательной стране, в таком удивительном городе на самой границе великой страны. Чувство гордости долго не покидало её. Она поделилась своими чувствами с мамой, но та была занята трескотней по телефону, сделала вид, что выслушала дочь и снова продолжила разговор с подругой. Телефон недавно провели в квартиру, и мама целыми днями только и делала, что болтала с подругами.

За время учёбы Поля поменяла несколько школ: приходилось перемещаться к новому месту службы отца почти каждый год. Отец часто был в командировках, мама занималась домашним хозяйством и собой, была строга с дочерью и не терпела никаких пререканий.

Отношения матери и дочери не изменились и в Благовещенске.

– Поля, чтобы в восемь была дома!

– Поход? Какой поход? Никаких походов! Знаю я, чем там в этих походах занимаются!

– Уроки сделала? Спать! Хватит читать. Ну и что, что ещё полдесятого. Ты девочка, тебе надо высыпаться!

И вот так ежедневно: командирский тон, приказы, недоверие. Поля мечтала о душевных разговорах с мамой. О многом хотелось и расспросить, и рассказать. У одноклассниц с одноклассниками уже завязывались какие-то отношения, и к Поле тоже проявлял внимание один мальчик. Но мама и не думала выслушивать дочкины секреты. Подумаешь – любовь! Какая ещё любовь в шестнадцать лет? Никакой любви! Рано ещё.

Поля училась хорошо. Оставался год школьной жизни, выпускной класс и... взрослая жизнь! Как же мечтала она об этом! Как часто, засыпая, представляла себя свободной, самостоятельной, независимой девушкой, с отрезанной косой, которая так уже надоела, с развевающимися на ветру волосами, в короткой юбке и, конечно, рядом – он, надёжный друг, который её понимает и смотрит на Полю с восхищением!

Хоть и не успевала Поля из-за частых переездов заводить друзей и подруг, однако в каждой школе, где ей пришлось учиться, бо́льшая половина класса называли себя Полиными друзьями. Это были друзья, которые любили списывать у неё домашнее задание по математике. Они со временем до такой степени нагтели, что уже и не пытались дома сами решать задачи и уравнения.

«Полька сделает – спишем!» – рассуждали бездельники. А Поля не отказывала. Не хотят работать – пусть списывают. Хоть что-то запомнят. У неё уже были задатки учителя – готовность и умение подсказать, научить, исправить ошибки. Да и общественная жизнь класса была на Полиных плечах. Как так получалось – непонятно, но не успевала девочка, поступив в очередную школу, привыкнуть к новой обстановке, как уже она или староста класса, или член какой-нибудь комиссии школы, или секретарь комсомольской ячейки.

Вот и в Благовещенск вышло так же. Её добросовестность и аккуратность сразу оценили, и на первом же общешкольном собрании выбрали секретарём комсомольской классной ячейки. Как могла эта худенькая маленькая девочка с длинной косой иметь такой сильный характер – непонятно.

Глава 4

Июль 1971 года, Сочи

Как-то не укладывалось в рамки суровых правил их семьи поразительное событие – Поля едет к тётке на море! Но в связи с тем, что родители решили путешествовать в отпуске вдвоём, они решились доверить свою дочь родной сестре Егора Степановича, жившей в Сочи, а точнее – в Адлере.

И перед выпускным классом почти всё лето Поля провела на море в гостях у Лилии Степановны – тёти Лили.

За лето Поля повзрослела, загорела, отдохнула и с нетерпением ждала, когда уже начнётся учёба. Последний год в школе! В это лето ей особенно захотелось свободы, захотелось поскорее начать взрослую жизнь, самостоятельную и подальше от строгих родителей. И здесь тётя Лилия, молодая весёлая женщина, конечно, сыграла не последнюю роль: она дала племяннице возможность почувствовать вкус свободы. Живя у неё, Поля никогда не бежала домой сломя голову, потому что время пришло. И могла уйти на море чуть свет, когда весь город спал. Тётке Лили, которая работала в ресторане кондитером, было не до Поли – начался летний сезон, и работы навалилось непочатый край. Отдыхающие капризничали, требовали деликатесов и разных «вкусняшек». А Лилия была мастером на эти вещи! Она придумывала разные рецепты пирожных. Торты разбирали моментально, слава о приморской кондитерской носилась не только по курортному городу, но и по России. И Лилия гордилась этой славой, берегла её, умножала, украшала разными красками и бантиками. Так же и себя любила украшать Лилия: кудряшки, шиньоны, нарисованные брови, яркая помада на губах, платья с глубоким вырезом и воздушным облаком оборок на груди. Всё это вкупе делало Лилию похожей на вкусный ароматный торт в розочках и вишенках. Её обожали мужчины и ненавидели их жёны. Но Лилии было всё нипочём! Она любила свою работу и всех своих гостей. Порхала, словно бабочка. Поля очень хотела быть похожей на тётю. Но она так не смогла бы.

Поля была замкнутой и стеснительной, а родная сестра Полиного отца Лилия – эмоциональной и жизнелюбивой, причём с самых юных лет. Её строгая мама держала свою дочь в таких ежовых рукавицах, что та, кое-как закончив восьмилетку, поступила в ПТУ на повара. Да как поступила! Сбежала из дома! Из Краснодара! С подружкой сели на междугородний автобус и уехали к морю. Вся милиция была поднята на ноги матерью Лили – Ириной Викторовной. А Лилия спокойно поступила в училище, получила место в общежитии и начала учиться варить щи, печь пироги да украшать торты. Когда нашли беглянку, та даже разговаривать с матерью не стала. Хмыкнула, дёрнула худыми плечиками и пошла на занятия. Директор уговорил мать не забирать девочку из училища. Очень уж хороша студентка-активистка: всё на лету схватывает, дисциплину не нарушает, с мальчиками не водится. Пришлось Ирине Викторовне согласиться и оставить непослушную дочь в чужом городе. Так и не вернулась больше Лилия к матери. Не забыла побои да унижения. Не простила.

А побои да унижения начались, когда Лилия училась в пятом классе. В семье что-то расстроилось, что-то стало не так. Девочка это почувствовала, когда стала слышать ссоры сначала за закрытой дверью родительской спальни, затем скандалы стали ежедневными, и родители, уже не стесняясь детей, громко оскорбляли друг друга. Мама была недовольна всем: зарплатой отца, его нерасторопностью в продвижении по карьерной лестнице, его неумением ладить с начальством. Отец стал задерживаться на работе, уходить в выходные дни из дома. Мать зли-

лась, срывая зло на детях. Унижала сына, постоянно сравнивая его поступки с поступками отца. Егор стал замкнутым и скрытным, тоже часто уходил из дома, бродил по улицам, завёл сомнительных друзей, начал курить. Лиле доставалось ещё больше, чем брату. Крикливая мать не только унижала девочку, но и позволяла себе отшлёпать её полотенцем или кожаным ремнём отца. В доме царил полный разлад. И сын, не выдержав постоянного напряжения в семье, после школы ушёл из дома и поступил в военное училище. Домой приезжал редко и ненадолго.

Отец, Степан Иванович, долго терпел. Больше молчал. Но однажды собрал вещи, оставил зарплату на столе и ушёл из дома. Просто взял и ушёл, никому не сказав ни слова: ни крикливой жене, ни дочери, которая в это время закрылась в своей комнате. Ирина Викторовна забегала по инстанциям – к заводскому начальству, в профком, в партком, – пытаясь вернуть мужа в дом. Но и партком не смог вернуть беглеца: ни слова не говоря, он положил свой партбилет на стол секретаря партийной организации. Настоящий мужчина – Перов Степан Иванович, начальник отдела ОТК, уважаемый, непьющий, отличный семьянин. А ушёл он к другой женщине, которая была и не красавица совсем, и не молода уже. Так себе женщина. Но тихая, спокойная. И родила ему вскоре сына, а позже и ещё одного сына. Отец Лилии чуть с ума не сошёл от того, что так получилось! Счастьем его не было границ!

Старший брат Лилии, Егор, отца понял – его он впервые видел таким счастливым, улыбающимся. И Лилия отца поняла. И простила. Кто с такой женщиной, как их мать, уживётся?

Осталась мать их одна. Совсем одна. Никем не любимая. Даже по праздникам дети не спешили провести её. Да и сама Ирина Викторовна не особенно стремилась к общению с детьми. Обиделась. Держала марку. Ждала, когда вспомнят сами, придут и попросят помощи. Уж тогда она и докажет, какая она мать. Настоящая.

Есть такая категория женщин, которая считает верным только своё мнение и требует исполнения только своих желаний. И ничем не сломишь их упрямство, и никакие уговоры не сдвинут их с места. Даже своим одиночеством они доказывают свою непоколебимость и правоту. А дети жили своей жизнью, были далеки от проблем матери, навещаясь по праздникам на денёк. И этого дня им хватало: упрёки и слёзы, снова упрёки и слёзы...

Глава 5

Август – ноябрь 1971 года, Благовещенск

В начале августа Поля вернулась от тётки Лилии домой. Родители долго выпытывали у дочери:

- Поля, расскажи-ка нам, как прошло лето?
- Всё было нормально, папа. Купалась в море, загорала.
- Дочка, давай поговорим о твоём поведении летом.
- Мама, ты так официально спросила. Я что-то сделала не так?
- Вот об этом я и хочу узнать. Как ты себя вела, не случилось ли чего там такого, что могло бы подорвать наш авторитет? А это очень важно!

– Мама! Я вела себя хорошо! Я не встречалась с мальчиками. У меня там не было даже подруг. Мама! Я была на море и дома! И ещё у тёти Лилии в кафе. Приходила на обед.

– Полечка, ты должна окончить школу с золотой медалью и поступить в самый престижный институт, может быть, даже в Москве! Поэтому мы так переживаем за тебя.

– Папа! Я это помню! Я закончу школу отлично. И поступлю в институт. Обещаю вам!

Разговоры были только об этом. Другие темы родителей не интересовали. Им нужна образованная дочь, которой можно гордиться. Иначе нельзя! Иначе неправильно. Иначе стыдно! Офицерские жёны любили друг перед дружкой похвастаться своими детьми, гордились их успехами и скрывали все недостатки детей. Вот и мама Поли, Вера Павловна, строго контролировала девочку во всём. Даже в самых незначительных мелочах.

В конце августа отец пришёл домой темнее тучи.

– В чём дело, Егор? – заволновалась Вера Павловна. – Что случилось?

– Тебе с какой новости начать – с плохой или с хорошей?

– Начинай с какой хочешь, только не тяни резину, Егор! Говори!

– Хорошо. Радуйся: твоя мечта сбылась, меня повысили в звании. Пришёл приказ — мне дали подполковника! И теперь грозит повышение в должности.

– Ладно, говори скорее: какая плохая? – Вера Павловна, в нетерпении теребя пояс атласного халата, закатила глаза так, как будто вот-вот упадёт в обморок.

– Отправляют за границу. На пять лет. Согласия ещё не дал, но, думаю, придётся ехать. Да и согласия моего никто спрашивать не будет, – вздохнул отец. – Прикажут – и всё!

– Вот это да! За границу!.. Ой, а дочь? – Мама перешла на фальцет, лицо у неё покраснело, руки затряслись. – Выпускной класс! Какая может быть заграница?

– Ну-у-у, я ничего не смогу сделать, приказ есть приказ!

– Ты представляешь, что с девочкой может случиться без нас? Мы же не сможем её взять с собой. Выпускной класс! Институт! Что делать? Что же делать...

– Оставайся. Дочка должна доучиться, поступить в институт.

– Да ты что, с ума сошёл? Я тебя одного отпущу? Ни за что! Вызывай свою мать! Она строгая, справится. Тем более Поля её единственная внучка. Звони немедленно!

– Да я ещё никуда не еду! Что ты завелась, дорогая? Вот когда всё станет ясно – тогда и будем что-то предпринимать.

Через месяц, придя домой из школы, Поля увидела в прихожей чемоданы, коробки, сумки. Бабушка приехала. Бабушке сделали приглашение в Благовещенск – в закрытый город,

куда можно было приехать только по специальному вызову! Поля молилась, чтобы разрешения на такой вызов получить не удалось, – но папа мог сделать всё.

Бабушка Ирина Викторовна приехала не только с вещами, но и со своими требованиями и условиями. Поля поняла, что не было свободы, а теперь не будет окончательно. Она ушла в свою комнату и, уткнувшись в подушку, заплакала.

– Мапочка, а может, мне уехать к тётё Лиле? – осторожно поинтересовалась Поля за завтраком. – Я всё лето провела с ней, она такая хорошая. И меня понимает. И школа там недалеко от дома.

Менторским тоном, не терпящим возражений, Вера Павловна отрезала все доводы дочки:

– Твоя тётя сама ещё не устроила свою жизнь. Сбежала из дома после школы. Какой из неё воспитатель, если она с матерью не ладит! Скажи спасибо, что я вытерпела твоё пребывание летом у неё. Это только из-за моря! Чтобы ты набралась сил перед выпускным классом.

– Мапочка! Я не смогу с бабушкой! Я её последний раз видела, когда мне было десять лет... Я не знаю её. Она постоянно кричит! Как с ней жить?

– Ничего, привыкнешь. Зато я буду спокойна. Она тебе спуска не даст. Будешь учиться и осенью поступишь в институт. Тема закрыта. Иди в школу.

На этом все разговоры о том, с кем останется Поля, закончились. Как закончилось и спокойствие в доме. Бабушка наводила свои порядки. Родители молчали, девочка плакала по вечерам у себя в комнате, утром убегала в школу. Бабушка успела всё взять в свои руки. Даже непреклонная и строптивая невестка не смела ослушаться свекрови. Поля была в ужасе. Она и представить себе не могла, как сложится её жизнь со строгой бабушкой. Но деваться было некуда. Пришлось смириться.

Поле хотелось на прощанье поговорить с мамой. Её распирали чувства, которые требовали выхода, она нуждалась в понимании и поддержке. Один мальчик писал ей записки, а Поля даже не знала, как себя вести, что отвечать, надо ли обращать на его записки внимание. Подружки душевной, которой можно было бы рассказать об этом, у неё в Благовещенске так и не появилось. А та, которая понимала Полину, была далеко, в другом городе. Письма туда шли долго, да в письме и не расскажешь обо всём. Вот так и протекала первая любовь Поли – непонятная, странная: то ли она есть, то ли её нет...

– Мама, расскажи, как ты познакомилась с папой!

– Зачем тебе?

– Интересно же...

– Ничего интересного нет. Иди лучше книжку почитай.

– Ма, а давай, я тебе расскажу один случай. У нас в классе одна девочка стала дружить с мальчиком...

– Это что за девочка такая? Рано ещё дружить – выпускной класс! Как зовут эту девочку?

– Да не, я не так сказала! В школе, а не в классе.

– Не вздумай даже думать об этом! Смотри тут! Бабушка всё доложит нам, если что. Никаких мальчиков!

– Мама, а я вот хотела ещё спросить...

– Поля, иди книгу почитай. Вон про этих... про Ромео и Джульетту. Про то, к чему ранняя любовь приводит. А мне бежать надо, у меня примерка!

– Мам...

Но Вере Павловне было не до Полиных проблем. Она готовилась к отъезду за границу. Выкрасила волосы хной в яркий рыжий цвет, села на диету и старалась похудеть, постоянно измеряла талию, грудь и ширину бёдер. Болтала по телефону с подругами, предвкушая, какой фурор она произведёт за границей среди жён офицеров высшего офицерского состава. Для неё

это было важнее всего. Ирина Викторовна смотрела на всё это и плевала в сторону невестки. Постоянно жаловалась сыну на «непотребное поведение» его жены.

– Егор, ты за женой-то смотри! Что у неё на уме? Одни тряпки. Ты понимаешь, к чему это может привести?

– Мама, что вы придумываете! Верочка просто следит за собой.

– Следит? Это за ней надо следить! Ох, смотри, Егор, как бы это ни обернулось против тебя. Отца вспомни!

– Мама! Да причём тут отец! Не вмешивайтесь вы в нашу семью. Вас позвали Полей заниматься, вот и занимайтесь внучкой. Остальное не вашего ума дело!

– Ну, смотри, Егор! Потом поздно будет.

Майор злился, отмахивался от матери, уходил в свою комнату. А жена донимала мужа, жалуюсь на Ирину Викторовну:

– Егорушка, сколько можно терпеть? Она следит за мной, она мне проходу не даёт! Поговори ты с ней!

Эти две женщины вконец вымотали Егора Степановича, и он мечтал скорее покинуть дом. Ему не хотелось даже говорить с дочерью, настолько его довели мать и жена.

В конце сентября родители Поли уехали, оставив дочь наедине с бабушкой.

Ирина Викторовна добросовестно выполняла свои обязанности. Готовила обеды, ходила в школу, чтобы держать под контролем внучкину учёбу, вовремя выключала свет в комнате Поли, чтобы внучка не засиживалась допоздна.

– Полина! Мы опаздываем в школу! Я не смогу идти быстро, это вредно для моего сердца.

– Бабушка, не ходите за мной, я сама дойду! Надо мной смеются одноклассники!

– Смех без причины— признак дурачины. Не обращай внимания.

И бабушка шла следом за девочкой в любую погоду.

– Полина, ты должна хорошо завтракать. Это важно в твоём возрасте. Ты растёшь!

– Бабушка! Мне надоели твои пироги и каши! Мама так не готовила, у нас на завтрак был только чай с бутербродом.

– Знаю я твою мать. Лентяйка, сына моего голодом тут морила. Бедный Егорушка!

Поля не спорила, потому что каждое её слово вызывало бурную реакцию со стороны бабушки.

– Полина, пора выключить свет. Спокойной ночи!

И Поля в девять часов вечера ложилась спать. А в это время её одноклассники гуляли по набережной Амура, влюблялись, дружили, бегали на танцы.

Девочка страдала. По вечерам в постели, перед тем как заснуть, она подолгу мечтала о времени, когда же кончится учебный год, и она поступит в институт, а там всё будет иначе. Ведь она уже будет совсем взрослой и самостоятельной.

Первая любовь незаметно закончилась. Даже первого поцелуя не получилось. Мальчик, писавший ей записки, оказался робким и неумелым. Раскраснелся, засмутился и убежал, бросив Полин портфель ей под ноги. Поля погрустила немного. Но бабушкин надзор не позволял девушке подолгу сидеть задумавшись. Весь день был расписан по минутам. Поля только успевала выполнять все указания бабушки. Иногда ей хотелось взбунтоваться, ослушаться, убежать из дома, куда глаза глядят, но она вовремя одумывалась, зная, какие это повлечёт последствия. Приедут родители, начнутся скандалы, разбирательства, а ей так не хотелось проблем.

Все силы Поля отдала учёбе. Намечалась золотая медаль. Бабушка пригласила репетиторов, чтобы уже наверняка можно было рассчитывать на награду. Перезнакомилась с учителями, носила им пирожки, выполняла их поручения. Одноклассники посмеивались над Полей:

– Ха-ха! Твоя бабуля зарабатывает тебе золотую медаль.

– Всех учителей пирожками уже закармила!

Поле было стыдно за родственницу. Но она стойко переносила все насмешки, не показывала виду, как ей больно. Постепенно отстранилась от одноклассников, стала ещё более замкнутой, необщительной. Её стала напрягать роль комсорга классной ячейки. А бабушка разошлась не на шутку: дошло до того, что она приходила к школе к окончанию уроков и смотрела, чтобы внушка ненароком никуда не завернула после занятий. Вон они, одноклассники-то внучкины, с уроков сбегает, в кино бегут после школы. И не скажешь, что класс выпускной. Совсем распустились. Нет, её Полина не такая, она получит медаль, и бабушка докажет сыну и невестке, что те не зря доверили ей свою дочь.

Так и проходили дни один за другим, по строгому распорядку. Поля автоматически соблюдала этот распорядок, не сопротивляясь и с нетерпением ожидая окончания школы.

Глава 6

Сентябрь 2019 года, Москва

Полина Егоровна держала в руках фотографию – и сотни вопросов вспыхивали в её голове. Откуда эта фотография, сделанная в фотоателье Благовещенска в том далёком выпускном 1972 году, появилась в доме молодой соседки? Как попала в семью Насти? И кто она – Настя? Кто её родители? И где сейчас тот, кому был когда-то подарен этот снимок? Жив ли?

С фотографии девушка смотрела на Полину Егоровну её глазами, улыбалась её улыбкой, была одета в её любимое белое платье в горошек. Длинная коса – гордость родителей. Как же выпускница Поля мечтала поскорее избавиться от этой косы!

Полина Егоровна перевернула фото. На обороте её почерком были написаны слова, которые она помнила наизусть:

«Вспомни меня, когда утром проснёшься и тихо откроешь глаза, вспомни меня, когда вечер начнётся, взойдёт над тобою луна, вспомни меня, а не вспомнишь – не надо, в жизни бывает всё. Если хоть раз меня вспомнишь, мечтая, спасибо тебе и за то». И подпись: «Твоя Поля».

Чернила выгорели, стали почти незаметными, но всё же прочесть можно. Эти слова она списала с маминой фотографии, которую та дарила отцу Поли, когда он ещё был курсантом военного училища.

В те годы было модно ходить в фотографию и делать снимки, потом рассылать их в письмах своим друзьям. Модно было писать письма, вкладывать тетрадный листочек в конверт, на конверте писать адрес получателя, адрес отправителя. А самое главное – ждать ответа! Как соловей лета! А в письме – и про погоду, и про любовь. Письма были живыми, трогательными, они были значимыми, важными источниками информации для далёких друзей. Для родственников. Письма – словно зеркало души. Человек мог доверить свои мысли, тайны, писал о том, о чём сложно было сказать словами. Может быть, и эта фотография прилетела кому-то в письме? Но как это может быть, если она была подарена любимому человеку, отдана ему лично в руки? Об этом просто кричит надпись на обратной стороне фотографии. И она предназначалась только одному человеку. Одному, любимому, который обещал беречь её всю жизнь!

Спешно раскрыв зелёный альбом, Полина Егоровна внимательно перелистала его, но ничего интересного больше не нашла. Лица на остальных снимках были чужими, незнакомыми. Она вернула альбом в шкаф, а свою фотографию положила в карман халата. Взяла Димочку за руку и повела кормить обедом. Вскоре пришла Настя. Полина Егоровна не стала у неё ничего спрашивать, ушла домой.

Дома долго рассматривала фото, вспоминая то время, когда была счастлива, любима, когда любила так, как никогда больше в этой жизни не любила. Заныло сердце, заболела голова. Где он – тот, к кому обращена надпись на обороте? Столько лет прошло. А ведь с того дня, когда фото было подарено любимому, они так и не встретились. Хотя мечтали о вечной любви до последнего вдоха.

Полина Егоровна накинула на плечи тёплый шарф, вышла на улицу и села на лавочку. Она стала ждать. Она не знала, чего ждёт, но понимала, что надо ждать того, о чём она по каким-то причинам и обстоятельствам не знает. У неё вдруг появилось тревожное ощущение какой-то тайны: словно никто за всю её жизнь так и не рассказал ей чего-то очень важного и главного, касающегося лично её. Мимо проходили соседи, здоровались, присаживались рядом,

задавали ничего не значащие вопросы, спрашивали о здоровье и уходили в свои квартиры. Всё как всегда: привычно и ничего нового.

Утром, дождавшись, когда Настя уйдёт к больному отцу, Полина Егоровна ещё раз пересмотрела все фотоснимки в альбоме. Малыш принимал в этом просмотре активное участие. Показывал пальчиком на знакомые лица, смеялся и радовался встрече с родными людьми. Полина Егоровна вложила своё фото в альбом. Она не понимала, зачем оно там. Но забрать его не могла. Стала ждать удобного случая, чтобы спросить о нём.

А через два дня Настя сказала, что отцу стало легче и ей уже не надо оставлять Диму.

– Я вам так благодарна, Полина Егоровна. Вы меня выручили. Возьмите деньги. Пожалуйста!

– Да нет же, что ты, Настя! Я тебя всегда с удовольствием выручу. Если что, зови!

Настя улыбнулась, ещё раз поблагодарила Полину Егоровну за помощь. А та про фотографию так и не решилась спросить. Что-то останавливало её это сделать.

Глава 7

Февраль 1972 года, Благовещенск

После зимних каникул началась серьёзная подготовка к выпускным экзаменам. Ничто не предвещало никаких срывов и непредсказуемых ситуаций. Жизнь Поли шла по чёткому плану бабушки: школа, обед, уроки, сон.

Но одноклассники, несмотря ни на что, продолжали бегать на танцы в Дом офицеров Советской Армии, в клуб завода «Металлист», в четвёртую школу, где каждую субботу устраивались вечера для старшеклассников. В понедельник ребята делились впечатлениями, смеялись, строили планы на следующие выходные. А Поля слушала эти разговоры и втайне завидовала одноклассникам.

Всё произошло внезапно – как взрыв, как гром, как молния.

Девушке показалось, что она проваливается в бездну вместе с партой, за которой сидит, но при этом тут же, в любую секунду, готова взмыть в воздух – и улететь, улететь, улететь из этого пространства, в котором стало так невыносимо, так отчаянно тесно. Поля даже приподнялась немного за партой, как будто выбирая, что сделать надёжнее – взлететь или провалиться, – лишь бы поскорее исчезнуть. У неё закружилась голова, а сердце приготовилось выпрыгнуть. И выпрыгнуло бы, если бы не медный голос директора школы, мощный, как иерихонская труба:

– Итак, друзья, к нам пришли на преддипломную практику студенты. Мы распределили всех по классам. Я понимаю, что класс выпускной и не стоило бы вам мешать готовиться к экзаменам, но мы подумали и решили, что Виталий Петрович сможет вам помочь по математике, поможет лучше подготовиться к экзаменам. Прошу любить и жаловать – Виталий Петрович Кедров, студент четвёртого курса физико-математического факультета.

Виталий Петрович широко улыбнулся, поправил волосы, тряхнув головой назад, и кивком головы поприветствовал учеников. Он был невысокого роста, широкоплеч, в нём ощущалась физическая подготовка и сила. Серый свитер и брюки в клетку делали его образ стильным и привлекательным. Директор говорил быстро: он торопился, потому что за дверью стояли другие практиканты, надо было до конца уроков развести всех по классам.

В кабинете стало шумно. Девочки шептались, хихикали. Мальчики загудели, посмеиваясь и рассуждая, как они достанут этого студента.

– От нас сбежит через неделю! – пробурчал с последней парты Вовка Орлов и заржал своим идиотским смехом.

– Орлов, сейчас пойдёшь со мной! – одёрнул его директор. – Ладно, ребята, желаю вам хороших знаний! Удачи, Виталий Петрович!

Как только директор вышел, студент подошёл к учительскому столу, сел и предложил учительнице продолжить урок. Математичка в недоумении уставилась на парня, занявшего её место так бесцеремонно, что она забыла, о чём до его прихода шла речь. Затем тряхнула головой, приходя в себя, подошла к доске и продолжила урок. Студент устроился удобнее и стал наблюдать за учениками. Когда его взгляд задержался на Поле, у неё почти остановилось дыхание. Ей стало жарко. Она чувствовала, как краска заливает не только её лицо, но и шею, спину, грудь, всё тело. И оно, её тело, становится непослушным, а пальцы одеревенели так, что выпала ручка, прокатилась по столу и упала на пол. Надо бы её поднять, но Поля не может пошевелиться. Соседка по парте толкнула Полю в бок:

– Ты оглохла, что ли? Тебя к доске!

– Можно мне выйти?

– А что случилось, Поля? – спросила учительница.

– Мне надо.

– Ну, иди. Самсонов, к доске. Не тяни, быстренько давай, что там возишься, Самсонов?

Поля шла, как ей казалось, на ватных ногах. Она держалась, как могла. По пути задела учебник на первой парте, тот шлёпнулся на пол.

– Дура! Не видишь, куда идёшь? – прошипела одноклассница в очках и бросилась поднимать книжку.

– Извини, – прошептала Поля и выбежала из кабинета, громко хлопнув дверью.

В коридоре девочка наконец-то выдохнула – и заревела. Она поняла, что с ней случилась беда. Большая беда. Непоправимая беда. Она поняла, что влюбилась. Она влюбилась!

Поля впервые столкнулась с таким состоянием, когда не могла толком объяснить, что с ней происходит, что творится в её душе. Ей с первой секунды стало понятно: это он! Он, который жил в её девичьих мечтах. Он, с кем хотелось быть каждую минуту. Он, который сможет её выслушать, понять, пожалеть. А ей так не хватает именно этого. От мысли, что его не будет, у неё вдруг остановилось сердце! Поля испугалась этой мысли. Как это – его не будет? Он только что, минуту назад, появился в её жизни – и его уже не будет? Нет! Она не допустит этого! Ни за что! Наспех вытерла слёзы и помчалась в класс.

Глава 8

Февраль 1972 года, Благовещенск

– Пётр Захарович! Выпускной класс неуправляем! Давайте уберём этого студента. Девочки сошли с ума! Они забыли, что скоро экзамены, забыли, что им поступать в институты! Вы посмотрите на их наряды, лица! Они стали как куклы – размалёванные, лохматые. А мальчики? Мальчики подражают ему! Стали ходить в школу в свитерах! Я не могу добиться пиджаков! Как мартышки, прыгают вокруг него, подчиняются этому Виталию Петровичу. Что делать, Пётр Захарович?

– Ничего не делать. Перебесятся. Возраст, матушка, возраст. Переменчивый, обезьяний, хрупкий. Не сломать бы. Пусть перегорят. Ещё целая четверть впереди, потерпи. Практика закончится, и всё уляжется, буря пройдёт, начнётся затишье. Вспомни себя в их возрасте! Не влюблялась ли ты, голубушка? Или забыла уже всё? Неужели?..

В глазах директора школы забегали светлячки, он внимательно, с мягкой улыбкой смотрел на Дину Васильевну, отчего она покраснела и прикрыла лицо рукой.

– Ну да ладно! Хорошо ещё, что тёмную из-за девчонок студенту не сделали пацаны. Сумел студент войти в доверие, к себе всех расположил. Талант. Далеко пойдёт парень. Не встречай, Дина Васильевна. Наблюдай и корректируй... Ну, иди на урок — звонок звенит.

Дина Васильевна, завуч школы, вышла из кабинета. Ох, и мастак же Пётр Захарович ввести в смущение, разрядить обстановку, увести от проблемы. Умеет же вернуть к реальности и просто объяснить элементарное, до которого и сама бы могла додуматься. Нет же, надо было идти к директору, жаловаться. Ух, как неловко, опять неловко получилось, как и в прошлый раз. Тоже можно было бы самой разобраться. Нет, тянет к нему, тянет. Хотя и столько лет уже прошло!

Дине Васильевне вспомнилось, как она впервые переступила порог этой школы двадцать лет назад. Как зашла по вызову в кабинет к директору – bravому, подтянутому, громкоголосому Петру Захаровичу – и сердце её оборвалось. Как страдала бессонными ночами по нему, женатому. Готова была бежать к нему по любому поводу, в любое время суток. Ей было всё равно, что о ней думают в коллективе. Пока Валентина Игоревна, завуч школы, не под села к ней в учительской, когда уже никого там не было, и не сказала несколько слов, которые навсегда запомнились. И по сей день благодарна она мудрой женщине за то, что вовремя опомнилась, пришла в себя, вышла замуж и всё у неё хорошо. А то так и маялась бы со своей безответной любовью. Теперь, слава Богу, и муж у Дины Васильевны любящий, и дети растут замечательные. А вот у Петра Захаровича не всё сложилось, как надо. Женился он в своё время на самой красивой девушке в Благовещенске. Живут – а детей нет и нет. В маленьком городе всё на виду, ничего не утаишь. Жена от врачей не выходила, лечилась от бездетности. По совету докторов в санаторий съездила, на море. И через девять месяцев девочка на свет родилась. Пётр Захарович от счастья летал. Время шло – и стали коллеги замечать, что девочка похожа не столько на Петра Захаровича, нордического блондина, сколько на горячих мужчин с юга. Поползли слухи: нагуляла девочку, на юге-то это просто! Но Пётр Захарович так любил дочку, что вскоре сплетни утихли, а потом и вовсе прекратились. Преданнее отца и мужа представить нельзя было. Теперь девочка замуж вышла, внуков родителям подарила...

Завуч шла по коридору, погружённая в неожиданно накатившие воспоминания, а навстречу ей – этот самый студент-практикант, Виталий Петрович. Стройный, подтянутый, стильно одетый.

– Здравствуйте, Дина Васильевна. Как у вас дела?

– У меня нормально. А у вас, Виталий? Всё получается? Есть вопросы, жалобы?

– Да что вы, Дина Васильевна, какие жалобы! Всё замечательно.

Дина Васильевна смотрела парню вслед и думала, что молодёжь пошла не та, что была в её молодости. Ведут себя свободно, раскованно. Что будет дальше? Ох, неизвестно... Но отчётливо поняла: будь она в возрасте школьниц, уж точно бы влюбилась в этого парня. Было в нём что-то такое неуловимое, что притягивало. Да-а-а, она знает, что за штука такая – любовь, попадалась на эту удочку. Дина Васильевна рассмеялась вслух – так развеселили её шаловливые мысли. И в прекрасном настроении пошла на урок.

Глава 9

Март 1972 года, Благовещенск

– Полина, вы допустили ошибку в контрольной. Я бы хотел разобрать эту задачку вместе с вами. Останьтесь после уроков, попробуем понять, что не так в вашем решении.

– Виталий Петрович, я не могу. Мне бабушка не разрешает задерживаться. После школы я должна идти сразу же домой.

– Ничего. За полчаса задачку разберём – и пойдёте домой.

Поля не ожидала, что ей придётся остаться наедине с практикантом. Она чувствовала, как её пробирает мелкая дрожь, и ничем эту дрожь не унять. Девочки, недоброжелательно поглядывая на Полю, зашипели, зашептались:

– Почему это ошибка именно у Польки?

– Не должно быть ошибок у отличницы! Это он специально Польку оставляет.

– Что-то там у них есть... Точно! У него взгляды на отличницу!

– Девочки, вот так тихоня, вот так отличница!

– Как ей не стыдно! Глазки опустила... Посмотрите на неё!

А Полине хотелось бежать, куда глаза глядят, только бы не остаться наедине с ним.

– Любочка, останься со мной. У тебя ведь тоже не всё правильно решено, – попросила она соседку по парте.

– Нет уж, после уроков я оставаться не собираюсь. Ещё чего не хватало. И ты иди домой. Не имеет права. Он что – учитель, что ли!

– Виталий Петрович, а можно, я дома всё сделаю, а завтра вам покажу?

– Хорошо. После уроков подойдёшь, я отдам тебе тетрадь.

После шестого урока Поля постучала в дверь учительской. Никто не ответил. Она осторожно приоткрыла дверь.

– Заходи, не стесняйся! – студент подошёл сзади и, касаясь Полиных плеч и дыша ей в ухо, распахнул дверь учительской. От неожиданности девушка чуть не упала в обморок.

– Проходи, садись... Почему я тебя позвал? А вот смотри: ты, как никто, начала решать эту задачу! Я сам заинтересовался. Ну, думаю, я не я буду, если не разгадаю ход твоей мысли! Ты молодец. Просто молодец. Тебе надо поступать на математический факультет. У тебя есть логика в рассуждениях, ты видишь на несколько шагов вперёд. В шахматы играешь?

– Да, – неуверенно прошептала Поля.

– Вот. Я сразу же об этом подумал. Сразу же! Хорошо бы нам поговорить на эту тему. Вот тебе учебник, посмотри его дома. Там много интересного. Его задания выходят за рамки школьной программы. Если ты сможешь выполнить эти задания, тебе ничего не будет стоить поступить в институт!

Поля вышла из учительской. Не вышла, а вылетела, как на крыльях. Она прижимала к груди учебник, который он держал в своих руках!

– Полина, Полина, постой! – уже на крыльце девушку окликнул практикант. – Ты забыла свой портфель!

Виталий Петрович подошёл так близко, что Поля услышала, как стучит его сердце. Или это её сердце стучит так громко? Она уже ничего не понимала. Она понимала только одно – он рядом и смотрит в её глаза.

– Полина, вот твой портфель... А завтра жду с выполненным заданием, – тихо проговорил студент, держа её за руку и никак не отпуская. Поля резко выдернула свою холодную руку из его горячей руки и не смогла двинуться с места. Она стояла перед ним как вкопанная, как статуя, которую и с места-то не сдвинешь. Что с ней творилось в эту минуту, девушка не понимала. Горячая волна окатила её с головы до ног. Она почувствовала, как краска залила лицо, как ослабли ноги, а веки стали такими тяжёлыми, что невозможно и взглянуть на парня!

– С-спасибо, Виталий П-петрович...

Ей казалось, что сейчас все ученики и учителя школы видят, как он, учитель, держит её за руку. Он стоял так близко, что она ощущала его дыхание на своей щеке – и чуть в обморок не падала от стыда, от своей неловкости, от своей дурацкой любви, которая так мучила её.

– Полька! Полька! Паршивка такая! А ну иди сюда! Ты чего там мусолишься, а? Бессовестная, стоишь как вкопанная! А вы, молодой человек, отойдите от девочки! Ишь, чего удумал – приставать к школьнице! Откуда вас таких понабирали, студентов непутёвых!

Поля вздрогнула и, сгорая от стыда, сбежала со школьного крыльца.

– Бабушка, что вы делаете? Зачем вы позорите меня?

– Я? Я позорю? Посмотрите на неё – позорю! – не унималась бабушка. – Кто кого позорит? Вся в свою мать! Тоже брюхатая хочешь замуж выскочить, да?

– Бабушка, это учитель! Что вы говорите! – Поля готова была сквозь землю провалиться. Она осмотрелась вокруг – никого. Первая смена разошлась, вторая была на уроке. На крыльце тоже было пусто: студент ушёл.

– Меня оставили смотреть за тобой. Не думай, что сможешь мне тут шашни водить! Ишь какая! Я её жду, а она стоит, выслушивает соблазнительные речи! Рано ещё думать об этом! Рано! Поступи в институт, окончи, а потом пусть родители с тобой разбираются... Как же я устала от всего! Ну ничего. Скоро экзамены, а там мать вызову, пусть сама решает, что с тобой делать, шалава!..

Поля плакала весь вечер. Какие тут задачи, какая тут школа. Она сгорала от стыда. Как? Как завтра посмотрит в глаза студенту? Как скажет, почему не готова?

Утром бабушка как ни в чём небывало позвала внучку завтракать. Никаких нравоучений, выговоров и наставлений. От этого Поле стало ещё хуже. Она ожидала привычных распоряжений, но их тоже не последовало! Тишина. Ни слова. Как будто и не было вчерашней ссоры.

Поля вышла из дома, села на автобус и поехала на вокзал.

В автобусе было тесно. Час пик. Поля кое-как протиснулась в середину салона. Передала деньги за проезд. Сзади подпирали. На каждой остановке люди заходили в автобус, а выходить пока никто не собирался. Началась ленивая перепалка. Никому не хотелось продвигаться в середину, всем хотелось быть поближе к выходу. Воздух накалялся не только от того, что было тесно и жарко, но и от запахов. А пахло перегаром, духами, потом. Ругались в основном мужчины. Женщины молчали. Скандалистки чаще всего бывают из тех женщин, которые не работают, и поэтому в общественном транспорте они начинают появляться позже, когда спадает основная пассажирская волна. Поля редко ездила в автобусе, особенно по утрам: школа рядом, можно не торопиться. А днём в автобусах всегда пусто.

Поле уже захотелось выбраться из этого ада, вернуться на свою остановку, пойти в школу. Но деваться некуда: в таком состоянии – какая школа? Пришлось терпеть.

Вокзал был конечной остановкой. Оказалось, что до вокзала ехали все. Сумки, чемоданы, тюки... Откуда эти громоздкие вещи появились и как народ смог пробиться с ними в переполненный автобус – непонятно!

Поля прошла к кассе:

– Мне нужен билет до Адлера.

– В Москве пересадка – знаете это?

– Да я уже ездила, знаю.

- Какой вагон?
- Желательно плацкарт.
- Когда ехать?
- Желательно сегодня.
- Сегодня поезд уже ушёл.
- А когда следующий?
- Завтра. Один утром, второй в обед. На какой брать будете?
- А сколько стоит билет?

Кассир назвала цену. Поля извинилась и отошла от кассы. Денег не хватало. Не хватало на билет, а ещё и продукты надо купить в дорогу. Больше недели ехать из Благовещенска до Адлера, на одном чае не проживёшь.

Девушка села на скамейку в зале ожидания и заплакала. Что делать? Как теперь пойти в школу после вчерашнего позора? Теперь Виталий Петрович и не посмотрит в её сторону. Будет избегать её после слов бабушки! А как же учебник? Она должна отдать ему учебник! Ни одной задачи не решила, даже не открыла его после такого стресса. Как теперь подойти к нему? Как?

В здании вокзала было пусто и гулко. Она слышала каждый свой шаг, и ей казалось, что все, кто находится за служебными окошками, смотрят на неё. Девочка старалась как можно тише ступать по плиточному полу, чтобы не привлекать к себе внимания. Рядом с выходом вход в буфет. Девушка нырнула в дверь вокзального буфета, как будто спряталась от посторонних глаз. Купила пирожок, стакан какао, перекусила и, немного успокоившись, вышла на улицу. Что же делать дальше, куда идти?

Не заметила, как оказалась на остановке. Села на автобус и приехала в школу.

В школе был переполох: пропали ученики. Мальчик и девочка уже третий день не появляются на уроках. В первый день никто не обратил внимания на их отсутствие. Во второй день заговорили о том, что у них любовь и они сбежали из школы. Но это всё было на уровне загадок и предположений. Сегодня началась паника. Классная руководитель позвонила родителям и услышала от них, что дети уходят в школу и приходят домой вовремя. Поля только вошла в класс, как на неё накинлись все:

- Ты, комсорг класса, куда смотришь?
- Почему Витя и Лена уже третий день прогуливают уроки?
- А ведь скоро экзамены!
- А почему ты сама сегодня не была на уроках? Может быть, ты с ними заодно?

Поля никак не могла прийти в себя. Ей было не до Вити и Лены. Её интересовал студент: заметил ли он, что её не было на уроках?

– И студента сегодня нет. А он тоже мог бы принять участие в поиске ребят, – тихо произнесла Оля, соседка по парте.

И Поля выдохнула всей грудью! Его нет! Он не знает, что она прогуляла! Значит, она спасена. Сегодня вечером перерешает все задачи, а завтра всё ему расскажет.

Глава 10

Март 1972 года, Благовещенск

После обеда всех собрали в актовом зале. Пропавших влюблённых нашли в городском парке на берегу Амура. Они целовались на виду у всех. Какой позор! Вся школа обсуждала это событие: Витя целовал Лену в губы! Его рука лежала на плече Лены! А когда Лена – уже в школе – сняла пальто, на ней не было школьного фартука. Фартук с комсомольским значком был спрятан в портфель. Комсомольцы, а так опозорили свою школу!

Началось собрание старшеклассников. Лена и Витя стояли на сцене, как на эшафоте. За столом посреди сцены— директор, завучи и классные руководители. В зале – гробовая тишина. Директор приглашает классную руководительницу объяснить, как дошло до такого, что ученики ведут себя вот так свободно. Не успела раскрасневшаяся Анна Матвеевна рот открыть, как вдруг с грохотом открылась дверь в актовый зал. Все повернули головы назад. В зал стремительно вошёл Виталий Петрович. Прошёл к сцене. Он был против этого собрания и уговаривал класс покинуть это собрание. Но никто с места не двинулся. Студент кричал, что нельзя судить любовь, что любовь свободна, она должна жить... Но его никто не слушал. Поднялся шум, началась неразбериха, каждый что-то выкрикивал! Директор своим густым басом, не повышая голоса, усадил студента на место, припугнув, что хорошей характеристики у него не будет. Студент помрачнел и занял место в конце зала. Недалеко от Поли.

Стало тихо, свою речь начала Анна Матвеевна. Она осуждала поведение не только Вити и Лены, но и всего класса. Виновата комсорг, что не забила тревогу вовремя, не доложила ей, классному руководителю, что творится в комсомольской ячейке.

Поля дрожала всем телом. Она понимала практиканта. Понимала, что он прав. Но никто его не поддержит. Никто не осмелится сказать то, что думает. А ведь все так и думают, как студент. Кроме осуждения Лены и Вити, была ещё и зависть к ним. Зависть тайная, чёрная: каждой девочке хотелось дружить, хотелось, чтобы рядом был мальчик, преданный своей подруге так, как Витя Лене. Но это была такая редкость – настоящая дружба.

Через несколько минут студент покинул зал. Полина обрадовалась, что его уже нет здесь. Глубоко вздохнула и стала ждать своего выхода на сцену. Через несколько минут дали и ей слово, как комсоргу класса.

– Я не знаю, что сказать. Если они любят, пусть любят. Осталось три месяца: сдадут экзамены и пусть женятся.

– Полина, ты с ума сошла! – закричала завуч Дина Васильевна. – Ты о чём говоришь? Какая женитьба? Пусть к экзаменам готовятся! Какой же ты комсорг, если в твоей ячейке такое произошло? Они три дня в школу не приходили! Ты интересовалась, где они, что с ними? Или у тебя свои проблемы? Где ты была до обеда? Тебя искали тоже! Почему тебя в школе не было?

– Я была у врача. У меня зуб болел.

– Зуб у неё болел. Справка есть?

– Нет.

– Почему?

– Мне стало очень больно, и я сбежала от врача. Пришла в школу.

– Бред какой-то. Выпускной класс! Одни прогуливают, целуются в парке у всех на виду, другие зубного врача боятся. Куда мы катимся!

Директор ёрзал на стуле. Он явно куда-то торопился, и это собрание его мало интересовало.

– Друзья! Вы ж смотрите, что вы делаете! Выпускной класс, экзамены. Придержите свою любовь. Дождитесь лета, осталось совсем недолго, а там делайте, что хотите. Только дотерпите до конца учебного года! Комсоргам поставить на вид. Не расслабляться, готовиться к экзаменам... Я тороплюсь, у меня коллегия, я должен уйти.

После ухода директора в зале зашумели, расслабились. Лена и Витя переминались с ноги на ногу на сцене. Им явно хотелось поскорее уйти со сцены, скрыться от всех. Лена побледнела так, что казалось, что она вот-вот упадёт в обморок. Губы её дрожали, она еле стояла. Витя постоянно поглядывал на неё, он был напуган. Крепко держал Лену за руку, как будто и сам боялся свалиться в обморок. Никто не обращал на них внимания. Все кричали, и уже невозможно было разобрать, кто что кричит.

– А ну-ка прекратить! – Завуч так стукнула ладонью по столу, что Лена подпрыгнула на месте и заплакала.

Витя прижал девочку к своей груди и громко проговорил:

– Как вам не стыдно! Мы любим друг друга! Мы поженимся, как только нам исполнится по восемнадцать лет. Мы дружим, помогаем друг другу! Отпустите нас, видите, Леночке плохо, она вся дрожит!

Тихий, незаметный мальчик, его никто никогда и не воспринимал всерьёз, подумаешь, сидит у окна, пялится на соседку по парте Ленку, у доски отвечает невпопад, учится средне. А тут такая речь! От неожиданности классная руководительница Анна Матвеевна открыла рот и привстала со стула. Видимо, чтобы лучше разглядеть своего ученика, которого она просто игнорировала.

Собрание вынесло порицания по пунктам. Записали всё в протокол. Объявили заодно выговор и комсorghу — что недосмотрела за членами своей ячейки. Поля ещё не осознала этот выговор. Она была поражена поведением Вити. И увидела его совсем другим – выше ростом, красивым, с горящим взглядом и расправленной грудью, готовым любого растерзать, кто прикоснётся к его Леночке.

После собрания комсомольцы, не глядя друг на друга, вышли из зала и быстро разбежались по домам. Поля завидовала Лене. Как жаль, что этого выступления Вити не видел Виталий Петрович.

Выйдя из школы, Поля увидела бабушку. Та стояла, прислонившись к забору. В левой руке – сумка, набитая продуктами.

Накрапывал дождик, мелкий, острый, ледяной. Серое небо низко нависло над школой. Воздух стал густым и тяжёлым. Было такое впечатление, что надвигается буря. Поля спускалась по лестнице, но бабуля не замечала её. Она смотрела в сторону дороги отсутствующим взглядом. Казалось, что она слепа и кроме шума на проезжей части её ничего не интересует. Бабушка держала зонт в правой руке, но он не был раскрыт. Она не замечала даже дождя. Капли стекали по её лицу, как слёзы. Волосы прилипли к щекам. И вдруг Поля заметила, как красива её бабушка. Какое гладкое и совсем не старое у неё лицо. Какие выразительные синие глаза, которые устремлены куда-то вдаль. Она не видит ничего вокруг, она думает о чём-то своём, неизвестном внучке. В светлом плаще, высокая, аккуратно уложенные волосы, накрашенные губы. Она могла бы ещё найти себе мужчину и жить счастливо, без проблем. Но она жёстко и последовательно выполняла свою работу надсмотрщика над собственной внучкой.

Было такое впечатление, что к дочери сына у бабушки не было любви и в помине.

Поля остановилась. Ей не хотелось мешать этой женщине, которая так и не стала ей родной. Она завидовала девочкам, которые рассказывали, как бабушки любят их, как им можно всё доверять, рассказывать, делиться секретиками. У Поли такого не было. Она была одинока.

Но одинока была и женщина, которая ждала её возле школы. Ждала терпеливо, настойчиво, в любую погоду. Зачем она это делала? Почему не доверяла Поле?

Глава 11

Сентябрь 2019 года, Москва

Полина Егоровна всю ночь ворошила в памяти прошлое. Одна за другой всплывали разные мелкие подробности, о которых она прежде и не вспоминала, а теперь они вырастали, превращаясь в кошмары. Кажется, ей совсем не удалось поспать, но встала рано. За окном было ещё темно, моросил дождь. Наконец-то начинается настоящая осень – с ветром и ненастьем. Сварила кашу, но есть не стала, не было аппетита. Выпила остывший чай, вымыла посуду, выбросила остатки пищи из шкафов и холодильника: долго не понадобятся. Положила в сумку документы, деньги, надела плащ. Присела на диванчик в прихожей и словно застыла. Присидела так несколько минут, потом вздохнула с облегчением, как будто освободилась от какого-то сомнения, взяла зонт и вышла из квартиры.

Лавочка у подъезда была пуста. Закончились посиделки на воздухе. Теперь начнутся посиделки в гостях. Или в кафе. Полине Егоровне понравилось ходить в кафе. Там вкусный чай с бергамотом и отличная выпечка, тепло, разные люди, много молодёжи. Полина Егоровна любит наблюдать за молодыми людьми. Они ей интересны, она как будто решает замысловатый кроссворд, пытаясь разгадать современных девушек и парней. Сравнивает их со сверстниками своего поколения, завидует. Ведь в её юности такой свободы не было. Разве можно было вот так сидеть за столиком и целоваться, целоваться, целоваться, не обращая внимания на остальных посетителей, на остывший кофе, на весь мир.

Полина Егоровна присела на лавочку. Сердце колотилось, готовое выскочить из груди. Перед её глазами за ночь промчалась вся её жизнь. И вот сейчас, сидя здесь, на лавочке у дома, она поняла, что не всё так ясно в её сложной, полной горя, радости и слёз, жизни. Почему же раньше она об этом не задумывалась? Что мешало ей вернуться в свою юность, перебрать все события тех давних лет? Как будто какое-то строгое табу было наложено на эти воспоминания, на героев всех событий той поры. Как будто кто-то контролировал её мысли и поступки. Или она сама боялась этих воспоминаний и преднамеренно избегала их?.. Да, так оно, пожалуй, и было!

Уже давно нет бабушки, родителей, многих друзей и знакомых юности давно нет. Из памяти вычеркнуто многое из того, что казалось незначительным и ненужным. О том, что было прожито в далёком городе на Амуре, где заканчивала Полина Егоровна десятый класс, она никогда не думала, как о чём-то важном. Её бабушка сделала всё, чтобы это забылось, стёрлось из памяти. Даже фотографий не осталось. Полина Егоровна грешила на переезд: ведь часто при переезде что-то ломается, теряется, рвётся. Вот и думалось ей, что утерян альбом, в котором хранились все фото юности. Их было не так много, но и их не стало. Не сохранились лица людей, которые были рядом в школе. Ни на фотоснимках, ни в памяти.

И вот – фотография, на которой ей, десятикласснице Поле, семнадцать лет. Найденная в квартире молодой соседки, эта фотография, как внезапный мощный взрыв, вынесла наверх то, что пряталось глубоко в недрах памяти. Почему она находится в альбоме незнакомой семьи? Откуда она там взялась? Но спросить об этом – значит привлечь внимание к себе. И этого делать Полина Егоровна пока не стала. Решила пойти с далёких лет, откуда принесло неизвестно каким ветром это фото.

Полина Егоровна долго раздумывала над планом действий. С чего начать? С кого? Да и что начинать? Что она знает? К тому же город её юности, по сути, не был для неё таковым. В

этом городе её юность проходила не так, как должна была бы пройти: с первой любовью, с первым поцелуем, с первой брачной ночью. Всё было не так! Вернее, было не так, как мечталось. Почему же получилось иначе? Вот это и надо выяснить. Прошло почти сорок лет, и память вдруг выплеснула все те события яркой картиной – живой, эмоциональной, но... непонятой до конца. А в чём-то и непонятной совсем. Пора пришла разобраться во всём. Пусть придётся пережить все события того времени заново. Как бы больно ни было.

Глава 12

Март 1972 года, Благовещенск

Ночью Поля проснулась от стука в дверь своей комнаты. Включила лампу, встала, открыла дверь. Перед ней, держась одной рукой за стену, другой вытирая слёзы, стояла бабушка.

– Поленька, уж я так терпела, но уже и сил нет терпеть. Что-то плохо мне очень. Может, скорую вызвать, а?

– Конечно, бабуля, иди, приляг, я вызову скорую.

Полина испугалась: а вдруг сейчас бабушки не станет? Что она будет делать? Паника охватила девушку. Она набрала «03» и, почти плача, сообщила дежурному оператору, что случилось.

Скорая помощь приехала через пятнадцать минут. Медики, не снимая обуви и не обращая внимания на белое полотенце в руках девочки, прошли в комнату бабушки.

Ирина Викторовна лежала на кровати неподвижно. Руки сложены на груди, губы плотно сжаты. Лицо блее постели, которую бабушка меняла не реже двух раз в неделю. Она была чистюлей, идеальный порядок в комнате говорил о её педантичности и скрупулёзности. Поля заплакала. За всё время проживания бабушки в доме она ни разу не заглянула в её комнату. Ни разу не поинтересовалась, чем занимается бабушка, как живёт.

Врач померила давление, что-то тихо сказала медсестре и села напротив кровати за туалетный столик заполнять бумаги.

– Большую заберём в больницу. Понаблюдаем дня три и отпустим домой. Понервничала, наверное, вот давление и подскочило. Ничего, она у вас крепкая, молодая ещё, не плачьте, девушка, всё будет хорошо.

– Не поеду, – чётко и громко произнесла больная. – Мне некогда там разлёживаться, внучку одну не оставляю.

– Да ничего с вашей внучкой не случится, Ирина Викторовна, поверьте нам! Взрослая девушка, сама справится. А вам нельзя шутить с вашим давлением. Инсульт случится, напугаете девочку, тогда уж точно одна останется.

– Поля, я только на сутки. Смотри мне тут, не набедокурь! Я за тебя в ответе перед родителями.

– Бабушка, да конечно же, не переживайте вы так. Всё будет хорошо.

Поля помогла собраться, проводила её до машины, вернулась домой. Три часа ночи. Страшно одной. Полина никогда не оставалась дома одна. Ей казалось, что кто-то бродит в бабушкиной комнате, чем-то трещит, щёлкает. Поля на цыпочках подошла к двери. Ничего особенного, всё по-прежнему. Свет горит, шторы задёрнуты. Девушка прикрыла дверь, но свет выключать не стала. Наоборот, прошла по всей квартире и включила все лампочки, которые были в доме, даже в кладовке. В свою комнату не пошла. Свернулась калачиком на диване в зале и не заметила, как уснула.

К первому уроку, конечно, опоздала. Кое-как отсидела на занятиях, всё думала: как же она там, её бабушка. После уроков зашла в магазин, купила шоколадку, пачку печенья, бутылку молока и пошла в больницу. Но был тихий час, пришлось сидеть на лавочке возле больничного корпуса, ждать, когда разрешат посещение больных. Достала учебник. Но в голову ничего не шло. В ней перемешалось всё: любовь, бабушка, врачи, слёзы. Какая тут учёба, когда сердце

болит, когда все мысли о нём, любимом. Поля всплакнула, пожалела себя, снова попыталась читать учебник, а тут и время посещений больных подошло. Люди со скамеек потянулись в приёмный покой, чтобы навестить своих родных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.